

А. М. Буровский

Воспоминания о раскопках Двуглазки в 1979 году и о Зое Александровне Абрамовой

Я не буду утверждать, что хорошо знал Зою Александровну Абрамову. Это очень субъективные заметки, и к тому же заметки человека неравнодушного. Я многим обязан Зое Александровне и забывать это не только не могу, но и совершенно не хочу. Кстати, вот эта благодарная память есть качество, которое у Зои Александровны нашло бы полное понимание: оно входило в число нравственных ценностей, важных для нее. В любом случае, мои наблюдения чисто личностные, не претендующие на какие-то великие открытия и истины в последней инстанции. Это — благодарная память, живущая в моем сознании... и только.

Познакомились мы в феврале 1979 года — тогдашний обитатель Красноярска, я пришел в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. К Зое Александровне меня подвели как к «человеку, который занимается Сибирью». А она так вкусно рассказала о Двуглазке, что сразу захотелось туда поехать.

Думаю, что до глубины Зою Александровну не знал никто. И не мог знать, потому что она не была склонна проявлять избыточную эмоциональность или делиться с окружающими информацией о своих переживаниях и их причинах. Она не была скрытным человеком — скорее уместно назвать ее человеком «закрытым». Очень многое она не скрывала, а просто не показывала... зачем?

Зоя Александровна была, как говорят англичане, «человеком, который сам себя сделал». Она сумела стать крупным и известным ученым без влиятельных родственников и покровителей. Это путь достойнейший, но трудный и порой довольно горький. Среди исто-

рий, которые рассказывала у экспедиционного костра Зоя Александровна, была история про некую даму из очень обеспеченной семьи, аспиранткой вышедшую замуж за кандидата наук и сына профессора. Зоя Александровна в молодости попросила у нее денег взаймы: неожиданно подошла очередь на стиральную машину.

— Конечно, я вам дам, Зоинька! Но почему же Вы не снимаете с книжки?! — спросила обеспеченная дама.

Зоя Александровна рассказывала об этом весело, проводя аналогии с бессмертным, приписываемом Марии-Антуанетте:

— Почему они бунтуют?!

— У них нет хлеба, Ваше Величество.

— Но почему же они тогда не едят пирожных?!

Рассказывалось весело, но за байкой из своей жизни стоял опыт никак не Марии-Антуанетты. В этом опыте Зоя Александровна находила даже свои хорошие стороны:

— По крайней мере, если мне надо будет вымыть уборную, я надену резиновые перчатки и вымою. И не буду считать себя несчастной.

Надо сказать, что З. А. Абрамова окончила кафедру археологии в составе совершенно удивительного выпуска. Во-первых, количество: в 1951 году число выпущенных по специальности «археология» составило 48 человек. Ни до, ни после кафедра не выпускала столько. Во-вторых, качество: в числе выпускников, кроме самой З. А. Абрамовой, были А. Д. Грач, Т. Н. Заднепровская, Л. С. Клейн...

Выпуск совпал с началом деятельности хоздоговорных экспедиций в Сибири,

и вместе с мужем Зоя Александровна оказалась в Прибайкалье и Забайкалье. С 1951 г. она стала неизменным участником хозяйственных экспедиций А. П. Окладникова.

Зоя Александровна всегда хранила благодарную память об А. П. Окладникове, о том, кто помог «выйти в люди». В числе историй о работе с ним были забавные. Как ставили лагерь в темноте, зачерпывали воду котелком из речки, почти не видя воды. Утром стали доедать кашу из котелка, и оказалось — в котелке плавают сваренные ночью головастики.

Были истории, хранившие память о не особо веселых приметах времени. Например, как деревенский мальчик в конце 1940-х с удивлением смотрел на сотрудника экспедиции, грызущего кусок рафинада: «Дяденька мел кушает!» Об этом полезно рассказывать современным сталинистам — ныне их много развелось.

Но среди рассказов про экспедиции А. П. Окладникова намного больше было историй «уважительных».

К примеру, как открыли Красный Яр? Когда машина проезжала через брод, Алексей Павлович успел заметить угольную примазку культурного слоя... Тут же велел остановить машину и побежал смотреть новый памятник.

Очень характерная деталь: за 1947—1950 годы, работая в экспедициях в Забайкалье, З. А. Абрамова не только принимала участие в полевых работах, но и описала коллекции более 40 донеолитических стоянок Забайкалья, работая в музеях Кяхты и Улан-Удэ. Сказалось ее сильнейшее качество — невероятная работоспособность, умение подчинять всю жизнь интересам дела. И маниакальная, чрезвычайная тщательность. Сотни, тысячи каменных орудий были осмотрены, зарисованы, измерены, сопоставлены с другими.

С 1960 г. З. А. Абрамова становится начальником Палеолитического отряда Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. В этой должности она будет находиться до конца работы в зоне затопления ложа Красноярской ГЭС. В общей сложности было обследовано более тридцати известных по работам Н. К. Ауэрбаха и Г. П. Сосновского пунктов, открыто более ста новых памятников. Одновременно шли раскопки многослойных поселений, которые просто необходимо было спасти, хотя бы частично. Кокорево I, II и III, Таштык I и II, Новоселово VI и VII, Аешка, Новоселово IX... Эти слова звучат

музыкой для уха палеолитчика. Так же, как Афонтова гора.

Все памятники в зоне затопления были обречены, и с самого начала было ясно, что спасти все не удастся. Необходимо было копать как можно больше, чтобы больше спасти. Но размахиваться на сотни квадратных метров тоже не имело смысла, потому что нет смысла копать с потерей качества... «Когда копали Кокорево I, в 1966 году, уже часть раскопов заливало... Мы копаем, а над прошлогодними раскопами уже вода...», — Это тоже из рассказов Зои Александровны. Что же до качества... В книгах З. А. Абрамовой о палеолите Енисея подсчитаны и сведены в таблицы все категории и типы материала. Нуклеусы, сколы подправки нуклеусов, пластины, отщепы, готовые орудия. Пластины и отщепы в этих подсчетах разделены на несколько групп по размерам, микропластинки выделены особо. Учтены и чешуйки, образовавшиеся в процессе нанесения ретуши на рабочие края орудий. Крохотные фрагменты камня, меньше сантиметра длиной. «А мы промывали культурный слой... было предположение, что могут попадаться микроотщепы, чешуйки... мы проверили, и стали промывать».

Так же тщательно обосновано и выделение афонтовской и кокоревской культур. Зоя Александровна принадлежит к поколению, сполна испытавшему на себе воздействие идей Ф. Борда. Идея создания тип-листов, статистических подсчетов, построения кумулятивных графиков привлекала многих. Но я не знаю других примеров, когда эта идея была бы реализована с такой полнотой, как это сделала Зоя Александровна. Если бы на систематизацию материалов палеолита Енисея ею не было бы затрачено столько времени и сил, эти памятники не стали бы «эталонными». Как не стали эталонными ни Лиственка, ни Усть-Кова, ни памятники, раскапывавшиеся в те же годы Палеолитическим отрядом Саяно-Тувинской экспедиции. По фундаментальности вровень с книгами З. А. Абрамовой можно поставить разве что коллективную монографию «Палеолит Енисея», тоже написанную с ее участием.

В 1974 году Зоя Александровна открыла пещеру Двуглазка. История открытия этого памятника граничит с фантастикой, вполне в духе А. П. Окладникова: Зоя Александровна заметила входное отверстие пещеры из окна экспедиционного грузовика. Был заложен шурф в привходовой части, шурф дал обильный материал... В 1975 году велись раскопки памятника. Под слоями верх-

него палеолита обнаружили среднепалеолитические слои с орудиями мустьерского облика и фауной каргинского времени. В том же году случилось несчастье — пьяный шофер опрокинул машину. Зоя Александровна оказалась единственным пострадавшим и вынуждена была почти три года лечить поврежденный позвоночник. В 1976 и 1977 гг. раскопки Двуглазки не велись; в 1978—1979 гг. они были закончены. Это были последние годы работы Зои Александровны в Сибири.

Первый раз я увидел Двуглазку вечером 9 июля 1979 года. Долго ждал в деревне Толчая у дома, который снимала экспедиция... А оказалось, экспедиция уже поставила лагерь у самого памятника. Солнце садилось за типично хакасский, изломанный временем хребет — бывший берег мезозойского моря. От дороги хребет отделяла долина ручейка. Палатки у подножия хребта при входе в долинку, ведущую к ясно видной от дороги пещере. В гулкой тишине тихого сельского вечера от лагеря к дороге идет парень...

— Вы из экспедиции?

— Да... вот она, экспедиция...

Парень, наверное, решил, что у меня изъяны со зрением — благо ходил я в очках. И показал на прекрасно различимые палатки.

Последний раз я видел Двуглазку в сентябре 2013 года: приехали с друзьями на машине. Этот интересный природный объект совершенно не изменился за 34 года: такой же прохладный, удобный для отдыха грот, в котором вода проделала в стенке два отверстия — два «глаза», из которых льется солнечный свет. Та же удобная для подъема, чистая долина, путь вверх. Так же со свистом вылетают из пещеры горлинки — дикие голуби. Та же особенная красота Хакасии, в которой мне всегда чудилось присутствие людей других эпох. Страна, словно громадный памятник под открытым небом.

Очень в духе Абрамовой был уже состав отряда, копавшего Двуглазку летом 1979 года. Нас было 11 человек. Из Сибири — четверо. Сергей — шофер из Хакасии. Лучший и безотказнейший из шоферов, каких я когда-либо видел в экспедициях Академии наук. Вообще-то шоферов полагалось брать исключительно на базе Академии наук. Эти шоферы были наглые московские пролетарии, прекрасно понимавшие, что без них так просто не обойдутся. Много их я наблюдал в ленинградских экспедициях 1980—1990 годов, многие по дороге в родные края ночевали у меня в Красноярске. Об этих шоферах археологи говорили разное, но без «ненормативной лек-

сики» обходилось редко. Одного такого «академического шофера», особенно гордившегося московской пропиской, я очень огорчил, назвав Москву «отвратительным городом». Шофер от злости тут же напился и сломал машину, а начальник экспедиции долго орал на меня: «Думай, что и кому говоришь! Ты развлекаешься, а у меня работы никакой теперь не будет!»

Так вот — на Двуглазке в 1979 году шофером был приятный местный парень, безотказный работник и скромный, симпатичный человек. Он тихо сидел в стороне и слушал наши разговоры, но никогда в них не вступал. Другой Сергей трудился в Алтайском крае в районном музейчике. Географ по образованию, он очень хотел попасть в аспирантуру по археологии. Окладников не захотел с ним работать... И Зоя Александровна Сергею тоже мягонько отказала. Красноярец было двое: автор сих строк и Елена Гайдукова, врач-офтальмолог и большой любитель путешествий, приключений, бардовской песни и вообще всяческой романтики. Потом она много лет ездила в археологические экспедиции, но притом и профессиональную карьеру сделала: стала одним из известнейших в Красноярске офтальмологов.

Из 7 ленинградцев только одна девушка — не археолог. Остальные — лаборанты Института археологии и студенты.

Самым почтенным из нас был аспирант Абрамовой, Николай Федорович Лисицын: он как раз готовился к защите, приехал на раскопки с текстом диссертации и давал ее читать, требуя, чтобы брали только свежемытыми руками: «А то ты мне чистые страницы опошлишь, у меня Ученый совет потом не примет!» Осенью он защитился.

Две девушки-лаборантки, и одна из них вскоре стала аспиранткой Зои Александровны, а потом кандидатом наук.

Из троих студентов 1979 года, копавших Двуглазку, двое стали кандидатами наук, а один — доктором наук и автором нескольких блестящих книг о происхождении человека.

От Зои Александровны я почерпнул, что экспедиционный коллектив не должен превышать 15 человек — тогда начальник в любой момент может сказать, где находится и чем занимается любой из сотрудников. Если людей больше, система становится неуправляемой. Я много раз убеждался в верности этого наблюдения. Но просто поражает перспективность этого состава отряда «Двуглазка-79». Мы ведь были пацаны, мальчишки и девочки... И только. Как же, по каким признакам выби-

рала Зоя Александровна сотрудников отряда?! Мне не известна ни одна другая академическая экспедиция, которая стала бы более эффективной «кузницей кадров».

Что же касается работы... Ну, во-первых, её отличало полное отсутствие показухи, выдачи «фиктивно-демонстрационного продукта». Во-вторых, невероятная, доходящая до предела тщательность и в ходе раскопок, и в обработке и систематизации материала. «Школа Абрамовой» — это привычка много работать, во все вникать, все делать самому, не упускать деталей. И без всяких «не умею».

— Нарисуйте последние находки.

— Зоя Александровна, я же не умею рисовать...

— А Вы попробуйте, потом покажете. Все равно Вам придется учиться.

Спустя два года я лихо рисовал каменный материал.

И в Двуглазке, и в других экспедициях З. А. Абрамовой всегда учились. Один из студентов учил французский — и не без помощи Зои Александровны. Другой читал литературу по биологии человека. Автор сих строк жадно осваивал всю премудрость палеолитоведения. До попадания в экспедицию З. А. Абрамовой у меня уже было два года полевого археологического стажа, но, конечно же, я оставался чудовищно невежественен.

Не только лично Зоя Александровна, но и сверстники тоже стоически разгребали безмерность моего профессионального невежества... Они честно объяснили мне, почему книга Ю. А. Мочанова написана непрофессионально. Поведали про «такого ленинградского археолога», Александра Николаевича Рогачева, и рассказали о его работах. Долго растолковывали, почему вести раскопки палеолита следует по методике, разработанной в Костенках, и не следует — по методике, описанной Авдусиным... Дали почитать «Археологические источники» Л. С. Клейна. Объяснили, чем призматическая пластинка отличается от первичного скола. И многое, многое другое...

Сначала было только чувство некоторого онемения. Как бывает на месте сильного ушиба, — когда сначала даже не больно, а перестаешь чувствовать ушибленное место. Потом пришло желание учиться... и чувство горькой обиды. Обиды обманутого человека. В конце концов, я полностью прослушал курс «Археология» и сдал свой дифференцированный зачет на «отлично». Я дважды, в 1977 и 1978 гг., ездил в археологические экс-

педиции. К тому времени я немало прочитал и входил в группу самых активных студентов, днюющих и ночующих в камеральной лаборатории. Я постоянно слушал доклады, сам сделал два или три, съездил на студенческую конференцию... Словом, я не считал свою подготовку такой уж скверной. Да она, собственно, скверной вовсе и не была... по понятиям Красноярска и по сложившимся в нем стандартам.

В Зое Александровне привлекали простота, я бы рискнул сказать, благородное изящество манер, и сразу чувствующийся стержень железного характера. Она была человеком психологически устойчивым, очень сильным и вместе с тем «удобным» в общении, не склонным к конфликтам, тактичным. Все, что может быть мелкого в жизни коллектива, вся изнанка жизни становились при ней чем-то неуместным и неприличным. Она всегда была очень занята, она работала. Мне доводилось дважды слушать отчеты Зои Александровны на заседаниях сектора палеолита, и всякий раз мелькала мысль, что сделать все это — вне физических возможностей человека! А она вот делала. Потому что не занималась ничем другим. Потому что не растрчивала силы и время на коммунальные склоки.

Дело и в удивительной доброжелательности, расположенности к людям Зои Александровны. Даже для не очень хороших людей она всегда ухитрялась находить и обтекаемые слова, и моральные оправдания, даже к одиозным личностям умела относиться спокойно и ровно. В том числе и к предшественникам, например, к Г. П. Сосновскому: «Вот все говорят: “тяжелый характер, отвратительный характер”. А какое мне дело до его характера?! Он что сделал в науке, то сделал...». На моей памяти только один человек вызывал у нее стойкое неодобрение — это Ю. А. Мочанов.

Во всем этом была, пожалуй, только одна не очень хорошая сторона — конформизм. Но не по принципу «промолчи, попадешь в первачи», а по принципу «промолчи, и тебе дадут спокойно работать». Дадут, и ты сможешь выложиться, сможешь сделать то, что хочешь. Зачем вызывать раздражение начальства, даже если оно кругом неправо? Твое ли это дело? Наше дело — хорошо раскопать памятник.

Зоя Александровна поразительно умела определять свой круг компетенции и дистанцироваться от всего, что в эту компетенцию не входит. Она — одна из очень немногих

№1. 2015

специалистов, которых практически невозможно было ни убедить, ни заставить копать что-либо иное, кроме палеолита. Никогда она не занималась раскопками не только бронзы, но и голоценовых памятников каменного века. И точно так же она никогда не стремилась руководить большой экспедицией, командовать разными отрядами, копающими памятники разных эпох... У нее был свой отряд, и она несла полную ответственность за все, что в нем происходило. В большой Красноярской экспедиции могло делаться решительно все, что угодно, но Палеолитический отряд жил по своим традициям и правилам. Попадавший в этот отряд оказывался на «территории Абрамовой», и должен был принять правила жизни, там установленные.

В 1979—1980 гг. в связи с уходом постаревшего М.П. Грязнова Зою Александровну уговаривали стать начальником после него. С точки зрения ранга, места, должности предложение было лестным. Но начальником после «Михпета» «пришлось» поставить Н.Ф. Лисицына. Зоя Александровна отказалась категорически, «вплоть до увольнения».

Второй особенностью экспедиций З.А. Абрамовой была очень спокойная рабочая и бытовая обстановка — и на раскопе, и в лагере. Шла интенсивная, очень непростая работа. Каждое утро в 7 часов Зоя Александровна будила отряд. Несколько часов мы проводили на раскопках, и всех сложностей палаточного быта тоже никто с нас не снимал. Но полевые работы велись всего 24—26 дней... В них участвовало всего 11 человек. Работа велась спокойно, без беготни с растопыренными руками и выпученными глазами; было время для спокойного общения, для долгих разговоров о науке, даже для послеобеденного сна для любителей. Совершенно удивительным образом всегда было время заниматься чем-то для себя. Кто после обеда ложился поспать, кто рисовал, кто играл в шахматы.

Характерно, что камеральную обработку материала Зоя Александровна вовсе не считала заботой чьей-то, кроме своей собственной. Мы помогали ей, но добровольно. А полевые работы почему-то всегда кончались за три дня до конца сезона, и были время и силы спокойно, без нервов, крика и спешки собрать материал, упаковать, приготовить к транспортировке... И закопать, законсервировать раскоп.

Спокойная, уютная обстановка в экспедиции определялась еще и тем, что людей было немного, и были они тщательно подобраны. «Отряд до пятнадцати человек еще управляем»... Значит, не будет больших экспедиций, будет человек 11—13, не более. И все — старательно отобраны. Не сомневаюсь, что с попавшими в лагерь подонками или пьяницами Зоя Александровна разделалась бы мгновенно. Но таких случаев не было — ни запоев, ни дебошей, ни скандалов; их было просто некому устраивать.

Нет, конечно же, мы жили весело и звонко. В 1979 году на Двуглазке самым старшим после Зои Александровны был тридцатилетний Н.Ф. Лисицын. Остальным — от 19 до 27. Конечно, перед каждым выходным мы устраивали веселые, шумные посиделки со спиртным. Бывало, часов до трех весело орали в палатке, спорили. Но как-то и в голову не приходило учинить ничего выходящего за рамки приличия.

Экспедиции З.А. Абрамовой вспоминаются как нечто на редкость уютное, тихое, как нечто очень «академическое», но при этом веселое. Со всеми участниками раскопок в Двуглазке я до сих пор сохранил самые теплые отношения.

Трудно осознать, что Зои Александровны больше нет. Она была человеком, которого и трудно, и вредно забывать. Мы все и не забудем.

Прощайте, Зоя Александровна!

Andrei Burovsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Philosophical Sciences. Federal State Unitary Organisation "Geological Expertise"¹.

Andrei Burovsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe filisofice. Întreprinderea federală unitară de stat „Expertiza geologică”.

Буровский Андрей Михайлович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор философских наук. Федеральное государственное унитарное предприятие «Геолэкспертиза».

E-mail: burovsky@mail.ru

Address: ¹ Bolshaya Gruzinskaya Str., 2, Moscow, 123242, Russian Federation